узнать о влиянии теорий Майнонга и Малли на представителей аналитической философии: Т. Парсонса, Р. Роутли и Э. Залты. Также монография устанавливает связь между поздней схоластикой и школой Брентано, что позволяет устранить разрыв между двумя этими философскими традициями и увидеть, что многие проблемы, обсуждавшиеся в брентановской школе, уже поднимались в поздней схоластике. Такое сопоставление показывает, что обращение к схоластическому наследию крайне актуально.

Институт философии РАН **В.Е. Бобкова**
vasilisa.bobkova.09@gmail.com

Брахмадева. *Параматмапракаша-вритти.* Вступительная статья, перевод с санскрита и апабхрамши и приложения Н.А. Железновой. М.: Наука; Восточная литература, 2024. – 392 с. ISBN 978-5-02-040606-3.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-73-77 УДК 1(091)

Когда говорят об истории философии, часто имеется в виду не более чем «расширенный комментарий к Платону»[1]. Однако подходить к такой дисциплине надо комплексно: судить о философии как о феномене можно, только приняв во внимание всё многообразие мировых культур. В этом смысле незаслуженным выглядит недостаточное внимание российских и западных историков философии к наследию Индии, которая породила самобытную, непохожую на западную, но оттого еще более интересную и важную для нас традицию. Если принимать тезис о том, что homo sapiens с биологической

[1] Выражение, приписываемое А.Н. Уайтхеду, не содержащееся в его работах, но отражающее его убеждение о важности влияния мысли Платона на европейскую философию.

© Титлин Л.И., 2025

точки зрения одинаков во всех частях мира независимо от цвета кожи или разреза глаз, – важно знать, какие разные формы может принимать человеческая мысль в зависимости от среды и культурных факторов. Осведомленность читательской аудитории относительно индийской философии, а в особенности академических исследований по ней, невелика, и во многом тому виной неразвитость этого направления в нашей науке.

Тем отраднее видеть новую книгу Натальи Железновой – событие для российской индологии. Автор книги является уникальным специалистом, о чём свидетельствует ряд премий, полученных ею непосредственно из рук джайнов, – в России джайнизмом так серьезно и фундаментально не занимается больше, наверное, никто. Железнова начинала с изучения наследия Кундакунды (между II и IV вв.) – «столпа» джайнской философии. В 2005 г. вышла монография о Кундакунде, сопровождающаяся переводами текстов самого Кундакунды и его ученика (согласно традиции дигамбаров[2]) Умасвати[3]. В 2015 г. вышел ее перевод с санскрита «Сарвартхасиддхи» Пуджьяпады (V–VI вв.), комментария к «Таттвартха-адхигама-сутре» – ключевому компендиуму воззрений джайнов философа Умасвати (III–IV вв.)[4]. В 2022 г. исследователь опубликовала перевод «Таттвартха-раджаварттики» Акаланки Бхатты (VIII в.) – субкомментария на «Таттвартха-адхигама-сутру» Умасвати. В 2019 г. настал черед Брахмадевы (XIV в.) – в 2019 г. Н. Железнова выпускает перевод «Дравьясангграха-вритти» – комментарий Брахмадевы на компендиум Немичандры (X–XI вв.), в котором комментатор подробно раскрывает джайнскую онтологию, эпистемологию и этику.

«Параматмапракаша-вритти», о которой мы ведем речь, является комментарием Брахмадевы на «Сияние высшего атмана»

---

[2] Одно из двух направлений джайнизма (букв. «одетые в стороны света»), т.е. нагие. Придерживаются более аскетического образа жизни, имеют иные литературу и догматы, чем у второго направления – *шветамбаров* («одетых в белое»).

[3] Н.А. Железнова, *Учение Кундакунды в философско-религиозной традиции джайнизма* (М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005).

[4] Пуджьяпада. *Сарвартхасиддхи*, вступит. ст., пер. с санскрита, прил. Н.А. Железновой (М.: Ин-т востоковедения РАН; Наука – Вост. лит., 2015).

(«Парамаппапаясу») Йогинду (IV в.). Хотя читатель уже встретил в тексте этой рецензии множество сложных иностранных слов, переводчик отмечает, что текст самого Йогинду отличается «легкостью изложения […] простым стилем и использованием минимального количества технических терминов […]» (с. 9). Текст Йогинду – это, по сути, поэтическая иллюстрация, наглядная, простая и доступная демонстрация для легкого усвоения слушателем джайнских идей об атмане. Именно поэтому она так актуальна для современного человека, мало знающего о джайнизме или не имеющего глубоких познаний в индийской философии.

Основная идея произведения Йогинду – учение о трех атманах. Не будет преувеличением сказать, что атман – ключевой и даже системообразующий концепт для индийской философии. Это слово в разных индийских традициях понимали поразному: и как индивидуальную душу, и как первопринцип, представляющий собой одно и то же в человеке и во всем бытии, и даже как тело; пытались избавиться от «цепляния» за него (в буддизме), отрицали его существование.

Три вида атмана по «Сиянию высшего атмана» – это «глупый, разумный и иной – Брахман» (с. 42). Под «глупым атманом» понимается человек, отождествляющий себя (а в санскрите слово *атман* – еще и возвратное местоимение «себя») с телом, «своими» вещами, имуществом, своей семьей, окружением, родом, кланом, кастой и варной. «Разумный» представляет собой промежуточный этап, тот атман, который наделен «различающим познанием» и способен отделять себя от всего внешнего и видеть высший атман. «[…] Духовная субстанция, [высший] атман, мыслится как вечная сущность, переходящая с одного уровня существования на другой…»[5], «высший атман неизменен, вечен и тожде-

[5] Проявим небольшое занудство и отметим, что автор перевода утверждает, что лишь школа *чарваков* (индийских «материалистов», отрицавших перерождение и закон кармы) была не согласна с такой позицией относительно атмана, будто бы забывая о буддизме, в рамках которого совершенно невозможно говорить о том, что есть «чистый атман», некая «вечная сущность», которая бы переходила «с одного уровня существования на другой…» (см.: с. 44, сноска 51).

ственен только самому себе. По своей природе он наделен четырьмя безграничными атрибутами, т.е. совершенным знанием, совершенным ви́дением, совершенным поведением и совершенной силой» (с. 48), он бесстрастный, блаженный, единый и чистый (с. 46).

Сочинение Йогинду, или «корневой (mula) текст» (в Индии так называется тот текст, на который пишется комментарий), написан на языке *апабхрамша*. Апабхрамша – среднеиндийский литературный язык V–X вв., который можно считать одним из так называемых «пра́критов» (если сильно упрощать, их можно определить как среднеиндийские языки, в индийской культуре противопоставляемые санскриту как «обработанному» языку[6]). Наталья Железнова, наверное, единственный человек в России, который владеет пракритами, и тем более джайнскими. Ранее читатели видели ее работу с *джайн-шаурасени*[7] (при переводе «Дравьясангграха-вритти» Брахмадевы), теперь же науке представлен полноценный перевод религиозно-философского текста с апабхрамши. Среди самих индийцев не было единого мнения, что такое пракриты и откуда они взялись. Нет единства относительно их истории и у современных ученых, поэтому российскому читателю будет актуально большое пояснение относительно истории пракритов, которое делает автор в разделе 2 введения «Язык Пп (Парамаппапаясу. – *Л.Т.*) и проблема возникновения пракритов».

Также немаловажным выглядит и другое отступление, которое рассказывает о типах индийских комментариев и структуре индийской комментаторской традиции (с. 35–36).

Во введении к переводу содержится интересный религиоведческий экскурс о феномене мистицизма. Исследователь выделяет два основных взгляда на мистицизм: 1) эссенциализм (виднейший представитель – У. Джеймс), который утверждает, что мистический опыт является общим для всех религий; 2) конструктивизм, или контекстуализм, который настаивает,

---

[6] Одно из значений слова saṁskṛta – «украшенный, разработанный».

[7] Как отмечает Железнова, – *джайн-шаурасени* – литературно-обработанный пракрит Северо-Западной Индии, использовавшийся джайнами до IV в. (см.: Брахмадева, *Параматмапракаша-вритти,* 25–26).

что есть только отдельно «еврейская мистика», «христианская мистика» и т.д.

Читая книгу Железновой, мы вынуждены задаваться вопросом: является ли текст Йогинду (который, по крайней мере в интерпретации Железновой, принадлежит мистицизму), философским? Автор перевода пишет:

> В тексте нет логического обоснования выдвигаемых положений, нет аргументированной строгости приводимых примеров, нет опровержения позиции оппонентов, нет собственно полемики. Автор ничего не доказывает, а только показывает, не убеждает, а призывает (с. 21–22).

В свете этой цитаты ответ на наш вопрос будет, безусловно, отрицательным. Но Брахмадева, выступая в своем тексте комментатором, истолкователем, принадлежащим к определенному направлению мысли, «профессиональным философом» своей эпохи, и исследователь Наталья Железнова, осмысляя «Сияние высшего атмана» в рамках уже своих рациональных систем, творят философию.

Для занимающихся философским санскритом особенно полезно обратить внимание на страницы введения, где исследователь подробно описывает внутреннюю структуру текстов Йогинду (с. 37–41) и Брахмадевы и обращает особое внимание на слова-маркеры, такие как iti bhāvārthaḥ («таков настоящий смысл»), ityabhiprāyaḥ («таков смысл»), дихотомии samudāya – viśeṣ (общий – особенный смысл), upādeya – heya (то, что нужно рассмотреть в этом месте комментария, и то, что нужно оставить в стороне) (с. 38–39). Всё это то, что исследователь «наживает» непосильным трудом работы – с реальными текстами и что не найдешь ни в каких классических учебниках санскрита. Для индолога также будет полезным то, что автор перевода приводит целиком текст «Парамаппапаясу» на апабхрамше. Перевод снабжен подробными комментариями в конце книги, библиографией, указателями терминов, имен и сочинений.

Институт философии РАН **Л.И. Титлин**
titlus@gmail.com